

Когда Ли Цяо и Тао Чжу добрались до уездного города, городские ворота ещё были закрыты.

Они немного вздремнули прямо на бычьей повозке.

Как только ворота открылись, они сразу же въехали в город.

Хотя формально они и не спали всю ночь, после того как брак был окончательно решён, оба находились на подъёме. Даже с покрасневшими от недосыпа глазами они выглядели бодрыми и воодушевлёнными.

Когда они прибыли в лечебницу, старый лекарь сначала разбудил старика Тао, затем тщательно осмотрел его и пришёл к выводу:

У старика Тао была не просто обычная травма, у него в бедренной кости образовалась трещина. Учитывая возраст старика Тао, восстановиться ему будет крайне трудно.

Поэтому в дальнейшем он, скорее всего, не сможет обходиться без костыля.

Услышав этот вывод, старик Тао не смог его принять.

Дожив до таких лет, он вдруг должен стать калекой?

Он тут же начал указывать пальцем на Тао Чжу и осыпать его бранью, крича, что если бы тогда не торопился ударить этого “предателя, что тянет локти наружу”, он бы вообще не упал!

Тао Чжу сохранял спокойствие и делал вид, будто вовсе не слышит всей этой грязной брани.

Но Ли Цяо не выдержал. Он одновременно уговаривал старика Тао успокоиться и, управляя водяной каплей, снова довёл его до боли так, что тот в очередной раз потерял сознание.

Когда старик Тао отключился, лекарь быстро выписал лекарства, и вскоре Ли Цяо с Тао Чжу увели старика Тао из лечебницы.

— Всего-то десять пакетиков лекарств, а стоят больше тысячи трёхсот вэнь, — глядя на лекарства в руках, Тао Чжу сильно нахмурился.

Если бы он заранее знал, что травма ноги отца окажется бездонной ямой для денег, он ни за что не стал бы делать лечение ноги частью выкупа за него. Выходит, он этим только подставил Ли Цяо...

— Деньги зарабатываются, — спокойно сказал Ли Цяо. — Если можно потратить, значит, можно и снова заработать.

Ему было всё равно.

Изначально он и хотел потратить деньги лишь затем, чтобы старик Тао стал тише. А теперь, когда нога сломана, тот и вовсе больше не сможет бегать к Тао Чжу и устраивать сцены.

— Вот, это все деньги, что у меня остались. Храни их, в нашем доме ты будешь главой.

С этими словами Ли Цяо протянул ему свой денежный мешочек.

С момента своего перерождения он торговал рыбой в общей сложности девять дней. Не считая первого дня, когда он продавал рыбу в деревне, в уездный город он ездил восемь раз.

В первые семь дней в уездном городе он каждый день выручал чуть больше тысячи девятисот медяков.

В восьмой день он продал лишь сто цзиней рыбы, а также сачиму, и выручка всё равно составила более тысячи девятисот медяков.

Если вычесть стоимость семи серпов для жатвы, ежедневные расходы на еду и предметы первой необходимости, ингредиенты для сачимы, а также только что уплаченные лекарства для старика Тао, сейчас у него оставалось ещё четыре лян серебра.

— Я? — удивился Тао Чжу, широко раскрыв глаза и уставившись на денежный мешочек.

— Я трачу деньги слишком легко и без меры. Чтобы побыстрее расплатиться с игорными долгами, дальше хозяйство ведёшь ты - наши деньги будут у тебя, — с улыбкой объяснил Ли Цяо.

Тао Чжу: — ...

Слова “в доме ты будешь главой” и “наши” звучали для него необыкновенно приятно.

Но он не взял мешочек с деньгами:

— В эти дни мне ещё придётся жить дома. Я никогда не держу в комнате ничего ценного, вдруг старший брат или остальные найдут и заберут.

— Тогда отдам тебе после свадьбы. А сейчас пойдём купим солодовый сахар и муку, — Ли Цяо убрал мешочек.

— Муку покупать не нужно. Вернёмся в деревню, возьмём пшеницу и смелем муку сами, так выйдет дешевле.

Пшеница стоила пять вэнь за цзинь, а уже готовая мука девять вэнь за цзинь.

Покупать муку напрямую было слишком невыгодно.

Однако, подумав о времени, которое уйдёт на помол, Тао Чжу добавил:

— Можно также купить муку у односельчан. У них дешевле, чем в уездном городе.

— Хорошо, — Ли Цяо не удержался от улыбки. — Нашим домом и правда должен управлять ты. Хозяйственный.

Услышав это, Тао Чжу не смог скрыть приподнятые уголки губ.

Хотя ему хотелось сказать, что так думают все в деревне и в этом нет ничего особенного, в итоге он промолчал.

С детства он слышал в свой адрес лишь “трудолюбивый” и “почтительный”, а теперь этот человек хвалил в нём и другие качества - и ему это нравилось.

После этого они купили немного солодового сахара, взяли на завтрак баоцзы и уже собирались возвращаться в деревню.

Но у городских ворот вдруг кто-то окликнул Ли Цяо:

— Брат Ли!

Ли Цяо обернулся на голос и увидел знакомого помощника, который обычно был рядом с хозяином Ваном. Хозяин Ван звал его Сяо У.

Ли Цяо спрыгнул с бычьей повозки. Когда Сяо У подбежал к нему, он с улыбкой поздоровался:

— Сяо У, какая удача - встретились здесь.

— Это не случайно, я специально ждал тебя у городских ворот.

Не дожидаясь вопроса Ли Цяо, Сяо У весело объяснил:

— Тот фэнгао, что ты продавал вчера, наш хозяин хотел купить ещё. Но сегодня ты не вышел торговать. Я хорошенько расспросил торговцев вокруг и узнал, что ты поехал в уездный город, вот хозяин и послал меня дежурить здесь.

— Ты завтра сможешь снова продавать фэнгао?

— Вот как... Если не будет никаких неожиданностей, завтра я снова выйду торговать, — с улыбкой кивнул Ли Цяо.

— Вот и отлично! Наш хозяин хочет купить пятьдесят цзиней фэнгао. Ты сможешь приготовить столько к завтрашнему утру?

— Если постараться, наверное, получится, но я не могу гарантировать. Я обручился и через пять дней женюсь. Вот это - мой фулан, — с улыбкой указал Ли Цяо на Тао Чжу. — Нам нужно заниматься подготовкой к свадьбе.

— Ой, поздравляю, поздравляю! Великое счастье!

Сяо У тут же искренне поздравил их, широко улыбаясь, словно вовсе не замечал, что Тао Чжу по внешности и росту почти не отличался от мужчины.

Тао Чжу, который до этого чувствовал себя немного неловко, сразу расслабился, хотя лицо его слегка покраснело.

Он ничего не сказал, лишь улыбнулся Сяо У, а затем посмотрел на Ли Цяо с застенчивым видом, будто во всём полагается только на него.

— Гер Чжу немного стесняется, — рассмеялся Ли Цяо, позабавленный этой редкой для Тао Чжу робостью, и в отличном настроении сказал Сяо У: — Я постараюсь приготовить фэнгао. Завтра встретимся на прежнем месте.

— Хорошо! Желаю вам двоим прожить вместе до седых волос и поскорее обзавестись наследником! — весело пожелал Сяо У.

Слова эти ещё больше подняли Ли Цяо настроение, а вот у Тао Чжу сердце вдруг ёкнуло.

Когда Сяо У ушёл и они выехали из уездного города, Тао Чжу, поджав губы, несколько раз украдкой взглянул на Ли Цяо, прежде чем медленно заговорить:

— Ли Цяо... родинка у меня на лбу очень бледная.

У геров считалось: чем ярче красная родинка на лбу, тем легче будет с деторождением.

А у него она всегда была светлой. К тому же он годами работал под солнцем, кожа у него была темнее, чем у других геров и из-за этого родинка казалась ещё бледнее.

— Правда? — услышав это, Ли Цяо тут же широко раскрыл глаза и внимательно посмотрел на лоб стоящего рядом человека.

Тао Чжу весь оцепенел.

Раньше Ли Цяо и правда никогда не обращал внимания на родинку между бровей у Тао Чжу. Он попал в этот мир всего несколько дней назад и, хоть уже принял местное понятие о гере, в глубине души всё равно продолжал воспринимать их как мужчин.

К тому же он был занят зарабатыванием денег и просто не обращал внимания на такие мелочи.

Поэтому о таком чудесном предмете, как родинка между бровей, он толком и не задумывался.

Теперь, когда Тао Чжу сам заговорил об этом, Ли Цяо, естественно, широко раскрыл глаза и принялся внимательно рассматривать его.

Между бровями у Тао Чжу действительно была маленькая бледно-красная родинка - не слишком заметная. К тому же его сияющие глаза слишком притягивали взгляд, поэтому раньше Ли Цяо полностью её игнорировал.

Выходит, именно из-за этой крошечной родинки геры способны беременеть и рожать детей?

— Жизнь - поистине великое чудо, — не удержался Ли Цяо и вздохнул.

Тао Чжу, который уже накрутил себя до предела и был полон тревоги: — ?..

Что это вообще значит?

Заметив, как на лице Тао Чжу появилось растерянное выражение, Ли Цяо не смог сдержать улыбку. Черты лица у него были резкие и красивые, но временами он выглядел совершенно наивным - этот контраст так щекотал сердце.

К тому же дорога в этот момент была пуста, Ли Цяо схватил Тао Чжу за мозолистую руку и серьёзно сказал:

— Расслабься, не бери на себя лишнего.

Тао Чжу: — ...

Он опустил взгляд, щёки слегка разгорелись, а рука, которую держали, тоже стала горячей.

Мрачные мысли в его голове заметно рассеялись, уступив место ощущениям от собственной руки.

На его ладони было слишком много мозолей, кожа грубая - наверняка на ощупь она неприятная...

Ли Цяо был предельно серьёзен:

— Я считаю, что нам не стоит заводить детей слишком рано. У нас куча долгов - сначала нужно их выплатить. Иначе, если появится ребёнок, он будет вместе с нами терпеть лишения.

— Когда расплатимся с долгами, приведём дом в порядок и купим несколько десятков му земли, вот тогда у нас появится уверенность заводить детей.

В детстве родители бросили его и отправили в приют, и этот опыт сделал его равнодушным к самой идее иметь детей.

К тому же в мире конца света он видел слишком много трагедий. Поэтому, когда речь заходила о детях, он в первую очередь думал не об их наивной милоте, а об ответственности.

Если он не сможет защитить ребёнка и дать ему возможность расти в безопасности и достатке, то он скорее предпочёл бы вовсе не иметь детей.

Разумеется, в этом мире такие взгляды выглядели несколько радикально, поэтому он добавил:

— Если вдруг не получится родить, мы можем усыновить ребёнка.

— Мой старший брат старше меня больше чем на десять лет и всегда относился ко мне как к сыну. Если я захочу усыновить его внука, пусть даже с путаницей в поколениях, он всё равно согласится.

— Думаю, и невестка тоже будет не против. По сути, она всегда считала меня наполовину своим сыном. Иначе с чего бы ей терпеть, что мой брат разорился, выплачивая за меня игровые долги.

— ...Ты и правда так думаешь?

Тао Чжу был сильно удивлён: на его лице читались и изумление, и недоверие.

— Конечно. Скажу грубо, но если бы наш ребёнок, родившись, должен был пройти через то же, что пришлось пережить тебе с детства, ты бы захотел его рожать?

— Не хочу!

Тао Чжу ответил мгновенно и твёрдо.

Ли Цяо тут же улыбнулся:

— Вот именно. Поэтому не обременяй себя мыслями об этом. Пока у нас нет дома и земли, не стоит думать о детях.

— Говорят, что любовь может заменить воду и пищу, но я всё же хочу, чтобы наши дети действительно были сыты, чтобы каждый день у них было вкусно поесть и что попить.

— Хорошо.

Тао Чжу глубоко выдохнул.

Пока что он решил ему поверить.

— Ах да, и ещё один момент, — вдруг сказал Ли Цяо.

— Какой? — только что успокоившийся Тао Чжу снова напрягся.

— У тебя длинные, тонкие пальцы, аккуратные чистые ногти, чётко выраженные суставы. Это самые красивые руки, какие я когда-либо видел, — сказал Ли Цяо с совершенно серьёзным видом.

Тао Чжу: — ...

Уголки его губ совсем не слушались, они сами собой тянулись вверх, но он всё же не удержался и спросил:

— Тебе не кажется, что они слишком грубые?

— Грубые - это хорошо, приятно трогать. Если бы мне нравились мягкие и нежные, я бы лучше пошёл искать какую-нибудь девушку. Мне нравишься именно ты, такой какой есть.

Ли Цяо по-прежнему сохранял серьёзное выражение лица, но при этом легко пощекотал ладонь Тао Чжу.

— ...Извращенец!

Сдерживая лёгкое щекочущее ощущение, Тао Чжу сердито зыркнул на него - среди бела дня такую ерунду говорить!

Извращенец?

Ли Цяо хотел было возмутиться - да это ещё цветочки.

Но, заметив, что кончики ушей Тао Чжу покраснели так, словно вот-вот начнут капать кровью, он проглотил слова.

Тао Чжу всё-таки слишком застенчив. А ему, повидавшему немало больших сцен, стоило действовать постепенно, шаг за шагом.

Как раз впереди показались прохожие и он отпустил руку Тао Чжу:

— Ладно-ладно, я извращенец. Я извращенец только по отношению к тебе одному. Всё, больше не буду нести чепуху. Поспи немного, когда вернёмся домой, нам придётся делать фэнгао, целых пятьдесят цзиней.

— Нет, это ты поспи. Я ещё ни разу не делал фэнгао, ты будешь главным, а я помогать, — сказал Тао Чжу, убрав все лишние мысли, как только речь зашла о завтрашнем большом заказе на пятьдесят цзиней, и покачал головой.

— Ладно, тогда я посплю первым, — Ли Цяо не стал жеманничать.

Пятьдесят цзиней фэнгао действительно означали долгую работу - ему нужно было отдохнуть.

В мире после катастрофы он выработал умение засыпать едва закрыв глаза. Сейчас, лёжа на телеге, он уснул меньше чем за минуту.

Тао Чжу повернул голову и стал разглядывать его - от бровей и глаз до подбородка. Чем дольше смотрел, тем больше радовался в душе.

Будучи уже немолодым и так и не вышедшим замуж гером, Тао Чжу, конечно, не раз фантазировал о будущем муже. Но сколько бы он ни предавался мечтам, ему и в голову не приходило, что найдётся мужчина, который будет хвалить его внешность и при этом совсем не станет заикливаться на детях.

И дело было не только в сладких словах - этот человек и поступками давал ему чувство уверенности и покоя.

Такого человека он обязан удержать. Никто не сможет помешать ему выйти за него замуж.

<http://bllate.org/book/15095/1422930>